

Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться?

Б.В. Межуев

В статье представлен анализ рассуждений многих консервативных публицистов России о наличии у нашей страны особого «цивилизационного кода», отличающего ее от Запада. Делается попытка рационально разобраться, в чем может состоять смысл подобного рода умозаключений и почему эта тема заслуживает внимания политологов и социологов. Последним в любом случае придется отвечать на вопрос о том, будут ли усвоены Россией новейшие социокультурные инновации Запада, и, если нет, чем можно объяснить сопротивление переменам. Автор опирается на интеллектуальный опыт осмысления «русской идеи» в истории русской философии, на школу русского цивилизационного анализа — от Н.Я. Данилевского до В.Л. Цымбурского. Он делает предположение о том, что «цивилизационная обособленность» России имеет свои духовные предпосылки и пытается определить, в чем они могут заключаться. Основное предположение автора состоит в том, что русская культура сопротивляется общеевропейскому тренду на отмену патриархальности в семье, церкви и государстве. Само по себе это сопротивление может иметь и положительные, и отрицательные следствия, тем не менее очевидно, что именно в этом сейчас и проявляется, насколько претензии России на особый цивилизационный статус могут считаться реальными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «цивилизационный код», инновации, традиция, псевдоморфоза.

МЕЖУЕВ Борис Вадимович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

borismezhuev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20 марта 2018 г.

Цитирование: *Межуев Б.В.* Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35–43.

Разговоры об «особом пути» России, ее «цивилизационной особенности» подозрительно напоминают попытки создания идеологии — комплекса идей, служащих, по формулировке Карла Маннгейма, защите определенного политического или социального порядка от угрожающих ему внешних и внутренних вызовов: поэтому ориентирующимся на строгую науку социологам и политологам, казалось бы, следовало отнестись к этим темам как к предмету критики. Что большинство ученых, кстати, и делает вполне успешно, подходя к теме «особого пути» с разных аспектов — сравнительно-исторического, структурно-функционального, даже классового (см., в частности: [Зорин 2018]). Между тем во всех этих направлениях критики маскируется сама проблема, которая в первую очередь и должна была бы занимать объективного исследователя, а именно: насколько и в какой мере Россия обладает иммунитетом от социально-культурных перемен, инициируемых передовыми группами Запада.

Понятно, что само наличие этого иммунитета может оцениваться неодинаково, в нем можно видеть признак «особости», но можно увидеть и симптом «отсталости», тем не менее взгляд независимого аналитика должен был бы освободиться от всех априорных теоретических описаний, чтобы взглянуть на феномен как он есть сам по себе. При этом надо было бы отказаться и от произвольных ценностных установок, чтобы попытаться работать именно с этой наглядно присутствующей реальностью «особости», проявляющейся не столько в виде каких-то автохтонных социокультурных импульсов (которые по большей части просто изобретаются структурами государственной власти или «национально мыслящей» интеллигенцией), сколько в виде вполне реального иммунитета от социально-культурных влияний иных цивилизаций, в первую очередь цивилизации Евро-Атлантики.

Определимся с еще одним терминологическим различием: соотносим ли «иммунитет», о котором мы говорим, с «цивилизационным кодом», о котором часто пишут эксперты? В принципе, да – если в структуре российской ментальности есть что-то, что препятствует усвоению чужих социокультурных инноваций, можно сделать вывод, что эта блокировка защищает какую-то собственную логику развития, пускай и не выявленную со всей наглядностью ни в одном теоретическом описании. Так что если мы докажем существование «механизма блокировки» и попытаемся понять его смысловую природу, мы действительно приблизимся к постижению российского «цивилизационного кода», хотя едва ли разгадаем его с той же детальностью, с какой генетики после открытий Д. Ватсона и Ф. Крика «читают» код ДНК.

Один факт можно установить с полной определенностью: «цивилизационный код» России функционирует иным образом, чем «цивилизационный код» Евро-Атлантики. Банальным уже стало обращение к инвективам в адрес интеллектуального развития послепетровской России, высказанным в первом «Философическом письме» П.Я. Чаадаева: «У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели» [Чаадаев 1991, 326]. Потом, спустя почти столетие, те же жесткие формулировки были воспроизведены М.О. Гершензоном в его веховой статье «Творческое самосознание» только применительно к общественной мысли России: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм, – что ни этап, то иностранное имя» [Гершензон 1991, 83]. Любопытно, что те же слова звучали более чем убедительно и в позднесоветское время, как раз в тот момент, когда объективно Россия находилась в высшей фазе своей «цивилизационной особости», будучи реально отделена от Евро-Атлантики «железным занавесом». Но и в этот момент российская культура почти во всех ее направлениях жила импульсами извне.

Один из наиболее влиятельных представителей «цивилизационного анализа» islandский социолог Йохан Арнасон писал, что изолированность советского блока от мирового рынка была во многом иллюзорной и скрывала факт постоянных заимствований технологических инноваций из капиталистической системы [Арнасон 2013 web]. Удивительным образом в интеллектуальной жизни и культуре эта зависимость имела еще более вопиющий характер: в философии 1970-х гг. влияние приобретали феноменология, экзистенциализм и логический позитивизм, причудливым образом сочетавшиеся с марксизмом советского толка, все трудности приспособления советского человека к технологической революции и его реакция на «революции сознания» были выражены в «научной фантастике» – жанре, художественно весьма маргинальном и невзыскательном на Западе, но приобретшем философскую глубину и ху-

дожественную состоятельность в произведениях Лема и братьев Стругацких [Межуев 2014].

Между тем любое заимствование приводит в России к художественному или реже интеллектуальному взлету в рамках того или иного направления в том случае, когда оно сопровождается желанием в рамках заимствованного стиля выразить какие-то смутно выражаемые в иной форме автохтонные культурные импульсы. Шпенглер назвал такую особенность русской культуры геологическим термином «псевдоморфоза», и этот термин можно с успехом использовать при анализе различных направлений отечественного искусства и отечественной мысли, проигнорировав его несколько пейоративный подтекст.

«Псевдоморфоза» — это неотъемлемая черта русской культуры, и стратегии ее преодоления — либо посредством национальной замкнутости, либо в виде полного игнорирования национального контекста — ведет к творческому бесплодию. И, напротив, всем плодотворным течениям культуры Россия обязана «псевдоморфозному» сочетанию заимствованной чужой — европейской — формы при попытке выразить с ее помощью и в противодействии с ней иным образом якобы невыразимое национальное — часто именно религиозное, православное — содержание. «Псевдоморфозное» сознание стало необходимой предпосылкой возникновения самостоятельной русской философии с ее усвоенным из того же самого «шеллингианства» комплексом «национальной самобытности», те же тенденции мы видим и в русском символизме, и в русской классической музыке, и в русском классическом романе. Причем этот комплекс «особости», или синдром «своеобразия» (см.: [Барабанов 1991]), служит необходимым условием художественной удачи: устрани этот комплекс из романов Толстого и Достоевского, и мы получим средних подражателей Бальзаку, Диккенсу и Виктору Гюго. Стремление же непосредственно вписаться в культурный мир Запада, игнорируя особую «псевдоморфозную» структуру отечественной ментальности, не приводит ни к каким высоким культурным достижениям. Для успеха «псевдоморфозы» необходимо, чтобы «русский символизм» был в первую очередь «русским», а затем уже «символизмом», чтобы и «русская фантастика» с ее нынешним преобладающим имперским пафосом являлась «русской» и даже «православной», и даже «русский рок» в его классические времена, когда к этому течению мог примыкать бард Александр Башлачев, отражал национальную специфику, даже за счет всех атрибутов рока как музыкального жанра.

Трагедия «псевдоморфозы» состоит в том, что она имеет свои временные пределы: рано или поздно заимствованная форма и якобы автохтонное содержание вступают друг с другом в конфликт, и этот конфликт подрывает веру в возможность выражения одного через другое. Тогда в русской философии появляются «Пути русского богословия», перечеркивающие саму возможность выражения православных идей с помощью приемов немецкой классической философии, русский символизм вытесняется акмеизмом с его установкой на поэтическую технику и простоту образного ряда (без претензий выразить невыразимое), а русский рок вырождается в русский рок-н-ролл, с его подчеркнутой самоиронией к прежним играм рокеров в «национальную идею». Но опять же по мере рефлексии выясняется, что моменты взлета «псевдоморфозы» — это неповторимые мгновения творческой полноты, которые невозможно отвергнуть как заведомую неудачу с объективной, как будто бы более правильной, точки зрения, но при этом и невозможно повторить заново, поскольку прежняя вера в синтез внешней формы и внутреннего содержания разрушилась под воздействием мудрого скепсиса и острой критики — с двух сторон. Сейчас у нас нет столь же мощной «псевдоморфозы», которая бы бросала вызов и национальной замкнутости и национальному нигилизму, и именно это определяет острое чувство недовольства состоянием отечественной культуры, которую на самом деле невозможно спасти никакими государственными или частными инвестициями при отсутствии того чудака, который реально поверит в возможность появления, допустим, особого русского постструктурализма и заразит этой верой других.

Как ни пытались адепты национального своеобразия преодолеть эту «псевдоморфозную» логику отечественной культуры, принудить русский дух жить и мыслить своеобразно и независимо от западных воздействий, это ни к чему не привело, кроме попыток разнообразить усвоенные из Европы художественные и идейные течения фольклорными мотивами типа прозы Алексея Ремизова в рамках русского символизма или поэзии Велимира Хлебникова в каноне отечественного футуризма.

Тем не менее вопрос о своеобразии не сводится к теме культурных заимствований: более существенный момент — это сюжет, связанный с усвоением или отвержением социальных инноваций. Возьмем последний скандал на Западе, связанный с кампанией массового разоблачения сексуальных домогательств, уже послуживший поводом к отставкам и увольнениям свыше семи десятков должностных лиц в Евро-Атлантике. Женщины, которые обнаруживали случаи сексуальных домогательств в рамках кампании MeToo, были названы Людьми планеты за 2017 г. журналом *The Time*: само это движение под названием «разбиватели молчания» (Silence brokers) было провозглашено выдающимся событием в процессе эмансипации женщин и их борьбы за свои права.

У всей этой серии событий, по-видимому, имеются конкретные политические причины: так, в США кампания против «сексуально агрессивных» мужчин стала частью организованного протеста против президента Трампа, явно вышедшего за пределы одной Америки и приобретшего международный характер [Дробницкий 2018 web]. Тем не менее, разумеется, само значение всего этого медиахайпа отнюдь не только конъюнктурное, оно иллюстрирует явный тренд не просто на усиление роли женщин в обществе, но и на восприятие мачистского типа поведения как недолжного и непозволительного, даже табуируемого в респектабельной среде. Вписан ли этот тренд в «цивилизационный код» Запада, или же это незначительная флуктуация в рамках всех процессов, связанных с трансформацией сферы интимности, о чем в свое время убедительно рассуждал Энтони Гидденс (см.: [Гидденс 2004])? Скажем, изменятся ли нравы в том случае, если в Белом доме республиканца Трампа сменит кто-нибудь типа Джона Кеннеди, то есть либерал, но с не менее brutальными мачистскими замашками? Или же новая регуляция сексуальной активности окажется непреодолима для возвратного движения, как, скажем, политическое равноправие женщин: достигнутое в первой половине XX в. в большинстве европейских стран: его фактическая неотменяемость для Запада позволяет сделать вывод о его действительной вписанности в некий «код» этой цивилизации, то есть в то, что нельзя отменить при предсказуемом течении событий.

Допустим, что в ходе этой кампании правила сексуального поведения в западном обществе все-таки изменятся: следует ли из этого, что это изменение рано или поздно приживется и в России? Очевидно, что всякое подобное изменение будет иметь широкую агентуру в России, тех, кто будет говорить, что нашей стране следует вести себя, как всякому «приличному обществу», то есть принять и усвоить все самые радикальные инновации, чтобы не пребывать на обочине истории. Появятся, конечно, и те, кто свяжет себя с передовыми трендами Запада и сделает на них ставку. Но столь же очевидно, что противовесом этой агентуре станут все те группы, кто настаивает на самостоятельности России и для кого неприемлемо следование западным трендам в целом и политкорректным нововведениям в особенности. Весь вопрос в том, существуют ли факторы, которые благоприятствуют долгосрочному успеху сторонников «цивилизационной особенности» и поражению агентуры внешних инноваций?

Ссылки на традицию сами по себе ничего не решают, потому что и в западном обществе эти же предполагаемые изменения находятся в противоречии с широко понимаемой традицией, но мы видим, что традиция в данном случае постепенно отступает перед инновациями, которые при наличии существующих политических ограничений оказывается невозможно пересмотреть. Как нельзя вновь лишить легального статуса «однополое браки» там, где они разрешены, запретить аборт и т.д. Традиционная религия постепенно, шаг за шагом отступает из западного общества, и вернуть какие-то связанные с ней запреты, уже один раз пересмотренные и отменен-

ные, оказывается невозможно без допущения массового подъема религиозности и клерикального возрождения, на что евро-атлантическая цивилизация в нынешнем ее состоянии едва ли способна. (Этому посвящена недавняя книга американского консерватора Рода Дрейера [Dreher 2017]. Отклик на нее см.: [Межуев 2017 web].) В отличие от азиатских и латиноамериканских стран, где такой неоклерикальный, или теократический, разворот еще мыслим (события 1979 г. в Иране представляют лучший тому пример).

Понятно, что одна из причин этой «прогрессивной» необратимости – сила разного рода передовых меньшинств, делающих ставку на продолжение процесса секуляризации и связывающих с ее поступательным ходом свои исторические ожидания (см.: [Ионин 2013]). Между тем во многих странах и особенно в США деятельность секулярных агентов влияния сталкивается с серьезным противодействием консервативных лоббистских групп, которые по своей ресурсной базе кажутся не менее мощными, но тем не менее это консервативное сопротивление, перспективное на короткой дистанции, в долгосрочном отношении оказывается слабее сил «прогресса», что каждый раз позволяет сделать безошибочный вывод, какая сторона в итоге окажется победительницей в каждой из конкретных «культурных войн». Причину этой предсказуемости можно, конечно, обозначить метафорой «цивилизационный код», только сознавая конкретные социокультурные механизмы действия этого кода: реактивная реклерикализация пугает «среднего буржуа» больше, чем прогресс толерантности, создающий ему намного меньшие неудобства. В итоге, выбирая между правым и левым, «средний буржуа», как правило, отдает свое предпочтение более либеральным в социальном смысле силам.

Что мы можем сказать в этом смысле о России? Нельзя сказать, что наша страна упрямо сопротивляется всему, идущему с Запада – скорее, ее можно обвинить в податливости идущим из европейского мира социальным изменениям, во всяком случае в сознательном желании брать все лучшее, что дает Европа. Очевидно, что российскими реформаторами предпринимаются вполне сознательные усилия направить нашу страну по прогрессивному европейскому пути, в том числе посредством сокращения демографической базы той части населения России, представители которой в ситуации выбора между сторонниками либерального эксперимента крайнего толка и адептов клерикализма предпочтет первых. Между тем в некоторых сферах Россия демонстрирует удивительную стойкость к инновациям. Если посмотреть обобщенно на все линии сознательного или полусознательного сопротивления воздействиям западной цивилизации, то можно обнаружить, что они по существу касаются трех аспектов – государственного устройства, семейных отношений, церковной жизни.

В России наибольшим иммунитетом от западных влияний обладают государство, семья и церковь. Все остальное преобразуется по западным лекалам с поразительной легкостью: образовательные системы, экономические институты, медиа, некоммерческие организации и т.п. Однако Россия упорно не может вписаться в мир демократий, неустанно презентуя и защищая свои «суверенные» отклонения от ее нормативной трактовки, в ней не находят массовой и отчасти элитной поддержки попытки на юридическом и культурном уровне пересмотреть традиционный идеал семьи, наконец, русская церковь, как, кстати, и многие другие православные церкви, настроена против любых инноваций в области догматики и богослужения. Каждая из этих форм сопротивления имеет свою специфику: в отношении демократии в России присутствует, скорее, стыдливая фигура умолчания – откровенные попытки дискредитации демократической модели не приветствуются, имеет место, скорее, стремление объяснить российскую специфику, то есть уклонение от западной практики, не выходя за пределы демократической идеологии. Что касается семейных сюжетов, то тут неприятие западных инноваций выражается вполне открыто, что дает основание критикам российской самобытности утверждать, что антизападничество в сфере семейных отношений является лишь идеологическим прикрытием сохранения авторитарной политической модели, которую ее защитникам трудно отстаивать открыто.

Это суждение не лишено оснований, понятно, что российский режим пытается обрести легитимность в том числе и за счет игры в «цивилизационную особость», а эту особость легче всего проиллюстрировать неприятием «однополых браков» и ссылкой на тиранию сексуальных меньшинств. Между тем сам страх перед диктатурой меньшинств восходит к давней традиции русской антидемократической мысли, ярким памятником которой можно считать «Великую ложь нашего времени» К.П. Победоносцева (см.: [Межуев 2015 web], а также текст, написанный с явным сочувствием к автору «Великой лжи»: [Пушаев 2015 web]). В самом антидемократизме современной России, в том случае, когда он выражается откровенно неофициальными идеологами, явно присутствует этот комплекс страха перед размыванием публичной власти во имя власти безличной и анонимной, предположительно неизбежной для любого демократического правления. Можно прочитать любых авторов черносотенного толка кануна русской революции, чтобы убедиться в справедливости этих слов. Кстати, и сопротивление инновациям в церковной среде восходит, по существу, к тому же страху перед усилением безличной власти анонимных элит, которые хотят подорвать устоявшиеся веками институты и нормы.

Однако изменения все-таки происходят, причем все более быстрыми темпами — в первую очередь в технологической сфере. Однако можно нащупать ту точку, в которой изменения в России воспринимаются наиболее болезненно. Речь идет об изменении гендерного баланса в обществе. Следует при этом помнить, что сам факт женского равноправия был принят в России абсолютно бесппроблемно — февральская революция предоставила всем женщинам равные политические и гражданские права с мужчинами, и это не вызвало ни малейшего напряжения: эгалитаризм вообще легко принимается в России, которая гораздо более подозрительно относится к любой апологии любой социальной иерархии. Однако при этом в России сохраняется — на каком-то полубессознательном уровне — сознание сверхценности института отцовства, то есть самой патриархальности как социокультурного феномена. При этом «отцовство» рассматривается как бы в трех ипостасях — собственно, семейной, то есть родительской, властной и религиозной. Отец — это, собственно, отец семейства, это царь, то есть отец народа или нации, и это Бог, Бог именно в ипостаси Отца.

Современный Запад нацелен в первую очередь на дискредитацию «отцовства» во всех его трех измерениях: семейном, политическом и религиозном. В мире «однополых браков» и раздельных семей «отцовство» остается не более чем пережитком патриархальных времен, когда связка отец — сын являлась базовой для наследования фамилии, титула, династических трудовых навыков и имущества. Революции Нового времени были нацелены на низвержение фигуры Монарха или Первосвященника как Верховного Отца, отца нации. Современный «цветные революции» — от парижского мая 1968 г. до Майдана 2014 г. — продолжают ту же традицию, интеллектуально запечатленную еще в «Тотеме и табу» Зигмунда Фрейда: сыновья убивают или изгоняют репрессивного отца и после его принесения его в жертву закладывают основания новой нерепрессивной государственности. Как сказал один умный социолог, подлинным «катехизисом революции» можно сегодня считать работы Фрейда, но не Гегеля и не Маркса. Но столь же очевидно, что приспособление христианства к современному миру, неприемлемое для консервативно настроенных верующих, в настоящее время более всего связано с низложением особой роли мужчин в отпавлении церковного культа.

Если у России и существует некий особый «цивилизационный код», то он состоит в явном сопротивлении тренду на дискредитацию фигуры Отца-Царя-Бога, то есть в спасении основ патриархальной цивилизации, но в рамках христианства. При всем ясном понимании, что именно христианство, в отличие от других монотеистических религий, наиболее уязвимо для всех тех социокультурных тенденций, которые нацелены на разрушение патриархального общества. Довольно просто в духе новых веяний пойти вслед за Ницше и признать Христа как нового Диониса, как пассивного страдающего бога, отказывающегося от Царства («Царство Мое не от мира сего»). Философ Дж. Ваттимо назвал подобное инверсивное христианство (нельзя исклю-

чать: будущее христианство западной цивилизации) «слабой мыслью», то есть религиозным оправданием безвластия, своеобразного жертвенного бессилия высшего начала перед лицом торжествующего принципа реальности (см.: [Ваттимо 2007]). Мы видим, что «цивилизационный код» Запада, реальность которого была уже нами эмпирически установлена, осуществляет своеобразную отбраковку всего в европейской культуре XX–XXI вв., что не проходит тест на «слабую мысль», что несет в себе признаки силы, мощи, рациональной гегемонии. С другой стороны, Россия упрямо сопротивляется «слабой мысли», столь же определенно отметая любые популистские претензии против патриархальности как социокультурного принципа, «псевдоморфозно» реформируя любые идейные течения на Западе в пользу попираемого в европейской культуре принципа «отцовства».

Всеми этими сюжетами, как мы уже писали, можно манипулировать в политических целях, но в своем ядре они явно превышают возможности манипуляторов. Здесь далеко не все зависит от власти и ее произвола: любой российской власти и любым российским реформаторам, рассчитывающим на успех, придется искать сочетание импульсов, побуждающих к модернизации, и импульсов к сохранению патриархального начала как фундаментального принципа цивилизации. Но и для философов и социологов будет стоять внятная теоретическая проблема: какое значение может иметь «отцовство» в ситуации, когда война перестает являться основным призванием мужчины, а другие профессии прекрасным образом осваиваются женщинами, когда любое указание на особую социокультурную миссию мужчин оспаривается феминистическим лобби как симптом сексизма, в то время как сочинениями на тему роли женского начала переполнены полки книжных магазинов? Ответы на все эти вопросы потребуют серьезной философской рефлексии, на которую автор этих строк пока не отваживается, но если искать «цивилизационный код» России всерьез, то его следует связывать исключительно именно с защитой патриархального уклада, вне зависимости от того, верим мы или нет в надежность этой защиты.

Собственно, сейчас, в эти годы, даже месяцы, Россия тестируется на всамделишность ее многовековых претензий на «цивилизационную особость» – нельзя исключать, что идущие с Запада социокультурные инновации рано или поздно будут приняты и у нас, тем более что ресурсная база «внутреннего Запада» в России более значительна, чем материальные возможности всех потенциальных изоляционистов. Однако нельзя исключать, что в ближайшие уже годы мы увидим медленный дрейф российского общества в сторону принятия европейских стандартов: и в плане культурной открытости трансгендерам и сексуальной меньшинствам, и в виде изживания следов патриархальности в политике, культуре и религии. Это будет означать только одно: что Россия откажется быть цивилизацией, выбрав путь конформного приспособления к нормам Евро-Атлантики. Никто не поручится, что, в конце концов, Россия не избрет именно этот конформистский путь, который «внутренний Запад» назовет передовым, а агентура цивилизационной самобытности, соответственно, пораженческим.

Я выскажу только осторожное сомнение в том, что этот путь явится итогом внутреннего выбора соответствующих ценностей, а не готовности следовать в своем развитии за более мощной во всех отношениях цивилизацией (того, что на расхожем политическом сленге принято называть «карго-культом»). Но если «прогрессивный» Запад отчасти понимает, почему он идет по тому пути, по которому идет, то «прогрессивная» Россия, если она вдруг распрощается с «духовными скрепами», я уверен, лишена такого понимания. В душе Россия остается такой же патриархальной, какой всегда и была, даже если на словах и на деле она решится идти европейским путем. Но в этом случае пассивное или активное цивилизационное «сопротивление» европоцентристскому мейнстриму, которое рано или поздно возникнет, станет источником культурного и философского возрождения интеллектуального класса страны. Возможно, только в таких условиях и родится новая русская «псевдоморфоза», которая породит нового Вл. Соловьева, нового Розанова, нового Башлачева и Егора Ле-

това. Боюсь, что конформистский по отношению к Евро-Атлантике мейнстрим будет отмечен печатью бесплодия.

Пока же один провластный конформизм сражается с конформизмом прозападным бесплодием отмечено практически все в отечественной культуре, но любопытно, что эта творческая пауза приходится на момент поистине исторического выбора, который в будущем, собственно говоря, только и даст ответ на вопрос о наличии у России собственного «цивилизационного кода» или о его отсутствии.

Источники – Primary Sources in Russian

Гершензон 1991 – *Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. [Gershenson, Mikhail O. Creative self-consciousness (In Russian)].

Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. I. М.: Наука, 1991 [Chaadaev, Piotr Ya. Collected works and selected letters (In Russian)].

Ссылки – References in Russian

Арнасон 2013 web – *Арнасон Й.* Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. 2013. 90 (4); <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/4a.html>

Барабанов 1991 – *Барабанов Е.В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.

Ваттимо 2007 – *Ваттимо Дж.* После христианства. М.: Три Квадрата, 2007.

Гидденс 2004 – *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2004.

Дробницкий 2018 web – *Дробницкий Д.* Дрейф культурных войн и либеральный копипаст // Политаналитика, 28 февраля 2018; <https://www.politanalitika.ru/v-polose-mnenij/drejf-kulturnyh-vojn-i-liberalnyj-kopipast/>

Ионин 2013 – *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2013.

Зорин 2018 – *Зорин А.* «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 36–54.

Межуев 2014 – *Межуев Б.В.* «Перестройка-2». Опыт повторения. М.: Весь мир, 2014. С. 38–68.

Межуев 2015 web – *Межуев Б.* Наследие «совиных крыл» и мир русского Полдня // Русская idea, 5 июля 2015; <https://politconservatism.ru/blogs/nasledie-sovinykh-kryl-i-mir-russkogo-poldnya>

Межуев 2017 web – *Межуев Б.* Призыв к отступлению с града на холме? // Ум+, 16 мая 2017; <https://um.plus/2017/05/16/grad/>

Пушаев 2015 web – *Пушаев Ю.* Почему Победоносцев не мог иначе // Русская idea, 4 июля 2015; <https://politconservatism.ru/articles/pochemu-pobedonostsev-ne-mog-inache>

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 35–43

Does Russia Have Its Own *Civilizational Code*, and What Can It Be?

Boris V. Mezhev

The analyses of the arguments and discussion of many conservative Russian publicists on the presence and existence of our country's special “civilizational code”, which differs it from the West, is presented in the article. An attempt to rationally understand, what can be the sense of such type of thoughts, is conducted, as also the attempt to understand why does this topic earns to be considered by politologists and sociologists. The latter should in any

case answer the question, if the newest western sociocultural innovations would be mastered and accepted by Russia, and if not, how can the resistance to changes be explained. The author bases on the intellectual conceptualization of the “Russian idea” in the history of Russian philosophy, on the school of Russian civilizational analyses from N.Ya. Danilevsky to V.L. Tsymbursky. He makes an assumption that “civilizational apartness” of Russia has its own spiritual prerequisites and tries to define, what they can be. The author’s main assumption presupposes, that Russian culture resists the common European trend of patriarchal decline in family, church and state. By itself this resistance can have both positive and negative consequences. However, it is obvious that exactly this indicates now, for which extent Russia’s claims for special civilizational status can be considered as real.

KEY WORDS: “civilizational code”, innovations, tradition, pseudomorphose.

MEZHUEV Boris V. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

borismezhuev@yandex.ru

Received at March 20, 2018.

Citation: Mezhuev, Boris V. (2018) ‘Does Russia Have Its Own *Civilizational Code*, and What Can It Be?’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 35–43.

DOI: 10.31857/S004287440000221-8

References

- Arnason, Johann P. (1995) ‘The Soviet Model as a Mode of Globalization’, *Thesis Eleven*, 41, pp. 36–53 (Russian translation, 2013).
- Barabanov, Yevgeniy V. (1991) ‘Russian philosophy and the crisis of identity’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (1991), pp. 102–116 (In Russian).
- Dreher, Rod (2017) *The Benedict Option: A Strategy for Christians in a post-Christian Nation*, Sentinel, New York.
- Drobnitskiy, Dmitriy O. (2018) ‘The drift of cultural wars and liberal copy past’, *Politanalytika*, 28 February 2018; <https://www.politanalitika.ru/v-polose-mnenij/drejf-kulturnyh-vojn-i-liberalnyj-kopipast/> (In Russian).
- Giddens, Anthony (1992) *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Polity Press, Cambridge (Russian translation, 2004).
- Ionin, Leonid G. (2013) *The rise of the minorities*, Universitetskaya kniga, Moscow, St. Petersburg (In Russian).
- Mezhuev Boris V. (2014) *“Perestroika 2”. The experience of repeat*, Ves’ mir, Moscow (In Russian).
- Mezhuev Boris V. (2015) ‘The legacy of owl wings and the world of Russian noon’, *Russian idea*, 5 July 2015; <https://politconservatism.ru/blogs/nasledie-sovinykh-kryl-i-mir-russkogo-poldnya> (In Russian).
- Mezhuev Boris V. (2017) ‘The call to retreat from the city on a hill?’, *Um+*, 16 May 2017; <https://um.plus/2017/05/16/grad/> (In Russian).
- Puschaev Yuriy V. (2015) ‘Pobedonostsev could not otherwise’, *Russian idea*, 4 July 2015; <https://politconservatism.ru/articles/pochemu-pobedonostsev-ne-mog-inache> (In Russian).
- Vattimo, Gianni (2002) *After Christianity*, Columbia University Press, New York (Russian translation, 2004)
- Zorin, Anrdey L. (2018) ‘*Russian special way* the idea of transformational breakthrough in Russian culture’, *“Special way”: from ideology to method*, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow (In Russian).